Научная статья

УДК 342.4:342.722.3:342.82

DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-2-5-21

Конституционная коммуникация и мобилизационный конституционализм: теоретические, методологические и публично-правовые аспекты

Игорь Александрович Кравец

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

kravigor@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-5291-7177>

Аннотация

В статье обсуждаются публично-правовая природа, роль и значение конституционной коммуникации в правовом, политическом и информационном пространстве, гносеологические, аксиологические и коммуникативные основы мобилизационного конституционализма, формирование профессиональных, экспертных и научных основ конституционного прогнозирования и конституционной реформы как публично-правовых явлений. Автор критически оценивает международные научные дискуссии и спорные аспекты конституционной коммуникации в публично-правовом пространстве, раскрывает новейшие примеры из практики конституционных преобразований и конституционных изменений в современных государствах. В статье используются делиберативный и эпистемологический подходы, методы диалектического материализма, критических исследований в области права, формально-юридического, конкретно-исторического, сравнительного конституционно-правового и комплексного анализа. В качестве выводов раскрывается специфика международного тренда о расширении форм участия граждан в конституционных изменениях, отличительные особенности российской модели мобилизационного конституционализма.

Ключевые слова

мобилизационный конституционализм, конституционная коммуникация, конституционная мобилизация, конституционная реформа, информационное общество, конституционная модернизация, алгоритмическое общество, цифровой конституционализм, делиберативная демократия, императивная демократия

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00627, <https://rscf.ru/project/23-28-00627/> («Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация: проблема делиберативного участия в публичном и информационном пространстве и трансформация системы публичной власти (концепты, нормы и институциональные механизмы)»).

Для цитирования

Кравец И. А. Конституционная коммуникация и мобилизационный конституционализм: теоретические, методологические и публично-правовые аспекты // Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 2. С. 5–21. DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-2-5-21

Constitutional Communication and Mobilizational Constitutionalism: Theoretical, Methodological and Public Legal Aspects

Igor' A. Kravets

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

kravigor@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-5291-7177>

Abstract

The article discusses the public law nature, the role and significance of constitutional communication in the legal, political and information space, the epistemological, axiological and communicative foundations of mobilizational constitutionalism, the formation of professional, expert and scientific foundations of constitutional forecasting and constitutional reform as public law phenomena. The author critically evaluates international scientific discussions and controversial aspects of constitutional communication in the public law space, reveals the latest examples from the practical experiences of constitutional reforms and constitutional changes in modern states. The article uses deliberative and epistemological approaches, methods of dialectical materialism, critical research in the field of law, formal-legal, concrete-historical, comparative constitutional-legal and complex analysis. As conclusions, the study reveals the specifics of the international trend of expanding the forms of citizens' participation in constitutional changes, the distinctive features of the Russian model of mobilizational constitutionalism.

Keywords

mobilizational constitutionalism, constitutional communication, constitutional mobilization, constitutional reform, information society, constitutional modernization, algorithmic society, digital constitutionalism, deliberative democracy, imperative democracy

Funding

The reported study was funded by Russian Science Foundation according to the research project No. 23-28-00627, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00627/> (“Communicative constitutionalism and constitutional mobilization: the problem of deliberative participation in the public and information space and the transformation of the public power system (concepts, norms and institutional mechanisms)”).

For citation

Kravets I. A. Constitutional Communication and Mobilizational Constitutionalism: Theoretical, Methodological and Public Legal Aspects. *Juridical Science and Practice*, 2023, vol. 19, no. 2, pp. 5-21. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-2-5-21

Конституционная коммуникация как предмет международной дискуссии и исследовательская парадигма в отечественной юриспруденции

Под влиянием теории коммуникативной деятельности Ю. Хабермаса [1], разработки концепции права как коммуникации (М. ван Хук) [2] и российских версий коммуникационной теории права (А. В. Поляков) [3] с одной стороны, развитием исследовательского поля в области делиберативной демократии, демократии участия и доктрины конституционализма и политического вовлечения с другой стороны, возникает новая область исследований в сфере конституционной теории и конституционного права, которая может иметь два взаимообогащающих названия: «конституционная коммуникация» и «коммуникативный конституционализм».

Новые концепты появились в современной конституционной юриспруденции для осмысления процессов конституционных изменений в публично-правовом пространстве современных государств. Наряду с отмеченными концептами («конституционная коммуникация» и «коммуникативный конституционализм») для понимания форм, методов и практики вовлечения граждан, их объединений, других субъектов права в процесс конституционной модернизации и конституционных изменений предлагаются для использования два понятия – «конституционная мобилизация» и «мобилизационный конституционализм».

Данный понятийный ряд предназначен для осмысления *нового качества* ключевых конституционно-правовых институтов, участвующих в конституционной модернизации государства, конституционных изменениях и конституционном мониторинге; данные концепты содейству-

ют развитию доктрины современного *демократического конституционализма* и символизируют появление новых векторов и методологии анализа процесса конституционных изменений, подготовки и осуществления конституционной реформы, создание научно обоснованных подходов к конституционному прогнозированию¹.

Классические представления о конституционализме как верховенстве конституции в правовой системе страны сохраняют свое значение [4, р. 396], но при этом расширяется научное и политико-правовое поле семантического ядра данного понятия. Такое *расширение представлений о конституционализме* вызвано не только новыми условиями развития информационного и алгоритмического общества, но и хорошо прослеживаемой тенденцией перехода в современном мире от *либерально-демократической модели конституционализма к гибридным моделям конституционализма*. При этом исследователи отмечают важность осуществления конституционно-парадигмальной *функции конституции*: «Конституция должна определять парадигму жизни государства, общества и человека» [5, с. 12]. Доктрина *конституционализма* на этапе формирования и развития информационного и алгоритмического общества, расширения сферы участия института общественности в конституционных изменениях и в решении вопросов, имеющих публично-правовое значение, обогащается *новым качеством конституционной коммуникации*. Конституционная коммуникация осуществляется в политико-правовом пространстве страны, затрагивая как деятельность органов публичной власти, так и граждан, институты гражданского общества, формируя среду политического, правового и информационного вовлечения. *Конституционная коммуникация* возникает на пересечении четырех сред: 1) *конституционно-правового пространства* реализации прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, осуществления полномочий органов публичной власти; 2) *информационного пространства*, в котором создается и распространяется информация о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, о видах государственных и муниципальных услуг; 3) *политического пространства* вовлечения граждан, партий и иных объединений граждан в процесс участия в выборах, иных голосованиях, обсуждении и принятии решений по публично-правовым вопросам, оценке деятельности органов публичной власти; 4) *цифрового пространства* участия граждан в реализации прав и свобод, получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, выступления с общественными инициативами и оценки таких инициатив с использованием цифровых технологий.

Следовательно, *конституционная коммуникация* предстает в качестве разновидности *активного взаимодействия* различных субъектов права в публично-правовом, информационном, политическом и цифровом пространстве. Данный вид коммуникации соединяет элементы *правового, политического, информационного и цифрового* характера, обеспечивая работу и проявление ее *тройственной природы* (правовой, политической, информационно-цифровой).

Именно *конвергенция* правового и политического взаимодействия различных субъектов права по конституционно значимым вопросам и использования новейших информационных и цифровых технологий для участия в обсуждении и принятии решений в публично-правовом пространстве приводит к появлению *доктрины конституционной коммуникации*.

Роль нормативной и интеллектуальной основы конституционной коммуникации выполняет *коммуникативный конституционализм*, который как гибридное образование представляет собой *нормативную концепцию*, содержащую или стремящуюся выработать *прескриптивные требования* к регулированию форм и процедур взаимодействия граждан, их объединений, институтов гражданского общества, экспертного и профессионального сообщества с конституированными институтами публичной власти в процессе обсуждения и принятия публично значимых решений, конституционных изменений и конституционного мониторинга.

¹ Карточка проекта, поддержанного Российским научным фондом, № 23-28-00627, <https://rscf.ru/project/23-28-00627/> («Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация: проблема делиберативного участия в публичном и информационном пространстве и трансформация системы публичной власти (концепты, нормы и институциональные механизмы)») (дата обращения: 12.05.2023).

В течение первых двух десятилетий XXI века возросла значимость национальной конституционной идентичности, повысилась роль конституционного права в обеспечении государственного суверенитета и национальных интересов различных государств. Конституционное право находится под влиянием трендов глобализации и интернационализации с одной стороны, но в то же время оказывается способным формировать и поддерживать правовую национальную идентичность, создавать новые формы участия в политическом и правовом пространстве. Ранее существовавшие сомнения в том, уступает ли конституционное право свое место международному публичному праву и международному праву прав человека, которые были предметом научной дискуссии в текущей декаде нового столетия, казалось бы, исчерпаны. Характер международных отношений и усиление напряженности в межгосударственных взаимодействиях показывают, что *опасения об утрате значимости конституций и конституционного права* в современных правовых системах и в регулировании международных отношений в значительной степени не оправдались.

В сравнительных и международных исследованиях в области конституционализма был введен в оборот и активно используется понятие *вестфальский конституционализм*. Данным понятием охватывается процесс формирования и понимания политики, социально-политических институтов, личной и политической свободы на протяжении последних веков после заключения вестфальского мира, создания конституционных систем в результате буржуазно-демократических революций в XVII–XIX веках (в Великобритании, США, Франции, других государствах континентальной Европы). Вестфальский конституционализм исторически основан на принципах западной современности, таких как гуманизм и рационализм, он организован вокруг знакомых принципов национального суверенитета, верховенства права, разделения властей и демократии [6]. По мнению М. Белова, продуктивным является использование аналитической концепции конституционной геометрии для объяснения вестфальского конституционализма и государственности, а также характеристики эволюции вестфальской конституционной геометрии конституционного национального государства в поствестфальскую конституционную геометрию наднационального и глобального конституционного права во времена глобализации и информационной революции [7, р. 13–54; 13; 14]. Современный период, исходя из высказанных аргументов, скорее всего, можно охарактеризовать как *поствестфальский конституционализм*, который находится на пути преодоления трудностей формирования наднационального и глобального конституционализма и вынужден адаптироваться к условиям широкого использования информационных и цифровых технологий.

Современные формы участия граждан в конституционных изменениях (с использованием императивных и делиберативных форм демократии и цифровых технологий), а также необходимость выработки различных правовых ответов на вызовы алгоритмического общества, интернационализации и глобализации конституционного права содействуют развитию *коммуникативного конституционализма и конституционной мобилизации* в различных формах.

Следует отметить, что позитивные и проблемные стороны юридической глобализации оказались на перекрестке течений, которые показали нерешенные публично-правовые вопросы относительно влияния конституционализма на глобальный правовой порядок, распространения в международной практике различных моделей либерального и нелиберального конституционализма, дальнейшего развития информационного общества и вызревания в его недрах алгоритмического общества со своим набором рисков и трудностей юридического оформления гарантий использования искусственного интеллекта в интересах людей, отдельных государств и наднациональных институтов.

Несмотря на наблюдаемую сегментацию и локализацию национальных правовых систем, смену приоритетов в понимании соотношения внутригосударственного и международного права, сферу ограниченного действия норм и принципов международного права и смещение от универсальных международных договоров к двухсторонним или региональным (межрегиональным) международным организациям, многие государства демонстрируют намерения

в сфере конституционного популизма и конституционного патриотизма, в том числе посредством создания института общественного участия в конституционных изменениях, в обсуждении и принятии решений в публично-правовой сфере. Возникает проблема правового регулирования и создания государственно-правовых гарантий участия граждан, их объединений в процессах конституционного развития, конституционной коммуникации и конституционной мобилизации. Данные концепты являются относительно новыми для отечественной и мировой конституционно-правовой науки.

Исследование конституционной мобилизации и коммуникативного конституционализма в публичной политической и правовой сферах направлено на решение *фундаментальной научной задачи* оптимизации взаимосвязанных процессов: с одной стороны, *модернизации политико-правовых институтов* в условиях «работы» сложных внутрисударственных и геополитических факторов, приводящих к сложным и комплексным взаимодействиям современной правовой и политической системы России с мировыми трендами формирования глобальной политики, глобального управления и глобального конституционализма; с другой стороны, стремлении российской публичной власти на федеральном уровне укрепить и оправдать «перманентное суверенное государство» с *долгим главой государства*, выработать стратегию адаптивного развития Российского государства в контексте прекращения членства в Совете Европы, развития евразийского сотрудничества (особенно с дружественными государствами на постсоветском пространстве), налаживания перспективных и ограниченных по стратегическому влиянию форм международной активности и «мостов участия» на геополитическом пространстве национальных интересов страны.

В методологическом и предметном плане исследование предполагает *комплексный, межотраслевой и системный анализ* влияния процессов конституционной мобилизации и коммуникативного конституционализма на нормативные основы и практику модернизации политико-правовых институтов законодательной и исполнительной власти на федеральном уровне в Российской Федерации. Демократизация и интернационализация конституционного права – важные и широко обсуждаемые тенденции в современной юриспруденции и международном конституционализме.

Вектор конституционализации в ходе конституционных преобразований (или конституционной реформы) выводит в публично-правовое пространство дилемму о сохранении верности конституции и поддержания конституционной легитимности органов публичной власти [8, с. 6] с одной стороны, и проведения в жизнь конструктивных изменений действующей конституции, в которых заложена определенная модель конституционной модернизации страны, с другой.

В условиях сложных международных отношений, снижения уровня и изменения направлений интеграционной политики государства возникают риски утраты векторов демократизации и интернационализации конституционного права. Вырабатывая новые нормативные основы конституционной идентичности благодаря проведению конституционной реформы 2020 года, Россия сталкивается с *проблемами в области публичного права и правопорядка*, решение которых *усложняется* условиями вхождения в 4 Промышленную революцию, *развитием техногенной цивилизации, информационного и алгоритмического общества* и рисками *дегуманизации права и правопорядка*.

Со второй половины 1990-х годов и вплоть до 2022 года конституционная идентичность российской юриспруденции и Российского государства (с позиций конституционных принципов организации и деятельности) формировалась в диалоге с европейским правовым пространством [9, с. 814], который учитывал некоторые отечественные государственно-правовые традиции и определял перспективы развития российского конституционализма в контексте гуманизации, демократизации и интернационализации права и правопорядка.

Разработка и реализация нормативных (Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных

вопросов организации и функционирования публичной власти») и институциональных основ конституционной реформы 2020 года поставила на новый уровень осмысления природу, цели, предназначение, институциональный дизайн и будущее российского конституционализма, обозначив ряд ключевых проблем в публично-правовой и политической сфере: среди них роль конституционной реформы в изменении легитимности политического режима в России [10, с. 15]; влияние на систему правосудия, высшие судебные инстанции и конституционное правосудие [11, с. 7; 12, с. 3]; работа принципа единства системы публичной власти и динамические возможности вертикали исполнительной власти [13, с. 3]; значение формирования новых нормативных основ для транзита публичной власти на федеральном уровне [14, с. 3; 15, с. 3]; конституционализация новых традиционных ценностей в духовной сфере, религии и в области культуры [16, с. 3]; осмысление преемственности поста главы государства в российских и сравнительно-правовых реалиях [17, с. 27]; критическое переосмысление новых тенденций в конституционном праве (дефедерализация, централизация местного самоуправления, дивергенция российской правовой системы, архаизация традиционных ценностей и др.) [18, с. 15]; проблемы формирования предпринимательского конституционализма и конституционализация предпринимательской деятельности и статуса юридического лица [19, с. 10]; порядок подготовки и реализации конституционной реформы и перспективы новой конституционной реформы, обоснование необходимости принятия новой конституции [20; 21] и ряд других.

В *российском конституционном праве* под влиянием осложнившейся международной обстановки, СВО и усиления международных санкций появилась тенденция, связанная с *социальным торможением конституционной реформы 2020 года*, частичным «замораживанием» *нормативно-правовых основ муниципальной реформы*, конструированием *конституционно-правовых основ противодействия антироссийским санкциям* [22, с. 2] в условиях значительного ограничения и применения государственно-правовых средств противодействия коррупции в рамках национальной юрисдикции.

Доктрина *коммуникативного конституционализма* основывается на целом ряде ценностей, которые уже закреплены в Конституции России, однако требуют адаптивного подхода с точки зрения применения юридических, информационных технологий и технологий участия граждан и их объединений в процессах *конституционного развития* и *конституционных изменений*. К этим ценностям относятся ценности демократического участия, публичных дебатов и принятия политических решений после их всестороннего обсуждения, дезавуирование тайных решений или форм их принятия, если такие решения не относятся к вопросам национальной, общественной или личной безопасности, включенность института общественного и научного мнения для целей выявления научных основ и общественной значимости обсуждаемых и принимаемых решений.

Конституционные коммуникации в публично-правовом пространстве формируются и осуществляются как в условиях стабильного конституционного строя и демократического государства, опираясь на базовые ценности конституции, в случае Конституции РФ 1993 года – на основы конституционного строя, так и в процессе кризиса легитимности, конституционных изменений, разработки и принятия поправок к Конституции или даже разработки и принятия новой конституции. В случае конституционных изменений или преобразований конституционные коммуникации содействуют предотвращению развития революционной парадигмы конституционализма, снижая риски конституционных революций, выраженных в революционном преобразовании права, сопровождающимся экстраординарными действиями политических сил и социальных слоев [23, с. 6].

Проведенные исследования по вопросам влияния теории и практики делиберативной демократии на современное конституционное право России и отражение в конституционном развитии страны институтов делиберативного участия показывают, что коммуникационные возможности политического участия в конституционной модернизации страны ограничены подавляющим влиянием органов публичной власти, слабостью «гражданского элемента»

(гражданского общества), участием института общественности в обсуждении уже внесенных конституционных проектов (проектов поправок к Конституции РФ) [24, с. 24–25]. Немалое значение имеют и намерения органов публичной власти в ходе реализации конституционной реформы 2020 года использовать институт прямой демократии в виде общероссийского голосования без надлежаще закрепленного законодательного и шире конституционно-правового основания. Развернувшаяся дискуссия о природе и границах, формах реализации конституционной реформы порождает выводы о том, что «представителями власти сознательно сужено применение институтов прямой демократии в конституционной модернизации» [25, с. 18].

Заслуживает внимания научной общественности проблема создания государственно-правовых и информационно-управленческих гарантий конституционной коммуникации в стране. Нормативным выражением для установления границ и обоснований конституционной коммуникации может выступать доктрина коммуникативного конституционализма.

Доктрина коммуникативного конституционализма становится возможной благодаря доминирующему влиянию теории коммуникативной деятельности (ранее переводимой как теория коммуникативного действия) (Ю. Хабермаса), новым информационным и цифровым технологиям и повышенной востребованности различных форм участия общественности в публично-правовом пространстве.

Прескриптивный и дескриптивный конституционализм в ограниченной территориальной юрисдикции как программа и практика политико-правовой модернизации государства и общества не может быть завершенной картиной мира конституционного. Здесь сказывается и упадок философской традиции о завершенности картины мира, и многообразие дискурсов и практик современного конституционализма, который может оцениваться в категориях не только нормативно-правовых и этических, институциональных и судебно-практических, но и в категориях коммуникативной деятельности вследствие широкого и повсеместного развития современных информационных технологий и практик участия общественности в публично-правовом пространстве. В частности, Ю. Хабермас указывал, что философская традиция, основанная на возможности «некой философской картины мира, стала проблематичной» сегодня; он называет такие картины мира «теоретическими суррогатами», которые «обеспечены не только фактическим прогрессом эмпирических наук, но еще более – рефлексивным сознанием, сопровождавшим этот прогресс» [1, с. 25].

В то же самое время коммуникативный конституционализм связывает различные идеи делиберативного участия и делиберативной демократии с технологическими достижениями информационного и алгоритмического общества, в правовой сфере базируясь одновременно и на теории правовой коммуникации [2; 3] и ее влиянии на российскую теорию права [26, с. 78] и на теории делиберативного права [27, р. 612] или «права делиберативной демократии» [28]. Как отмечает Пабло Маршалл, «теоретики совещательной демократии утверждают, что совещательные дебаты не только будут более уважительны к интересам всех участников, но и обеспечат лучший результат» [29, р. 872]. Условия конституционной коммуникации формируются не только нормативно-правовым базисом, но и институтами публичной власти, гражданского общества, информационным и цифровым пространством, формами взаимодействия граждан, органов публичной власти и их должностными лицами, в том числе при подаче и рассмотрении обращений (как в электронной, так и в обычной письменной форме), предоставлении или получении государственных и муниципальных услуг, обсуждении общественных инициатив или проектов нормативных правовых актов, реализации правотворческих инициатив или инициативных проектов (на уровне отдельных муниципальных образований).

В настоящий период времени наблюдается высокая дисперсность и разрозненность по источникам и уровням правового регулирования различных форм участия института общественности в обсуждении и решении публично-значимых вопросов; особенно не урегулированным (в текущей декаде XXI века) в правовой системе России и конституционном праве является вопрос об участии общественности в конституционных изменениях и конститу-

ционной модернизации страны. Между тем современный конституционализм оснащается инструментами информационного и алгоритмического общества и формами императивной, делиберативной и партиципаторной демократии (демократии участия), которые изменяют нормативные и институциональные аспекты дизайна системы конституционализма. Конституционализм взаимодействует с демократическими формами организации и осуществления государственной и муниципальной власти; соединяясь с делиберативными формами участия, конституционная нормативная теория синтезируется в доктрину делиберативного конституционализма (R. Levy, H. Kong, G. Orr, J. King) [30].

Концептуальный уровень понимания коммуникативного конституционализма базируется на нескольких научных источниках, которые относятся к различным сферам знания: философии (в том числе политической философии), политической науке, юриспруденции (включая и философию права), информатике, информационным технологиям и информационному праву, интернет-технологиям (включая краудсорсинг и др.).

Мобилизационный конституционализм: правовые, политические и информационные аспекты

Конституционное право формирует национальные цели, задачи и нормативные требования к различным сегментам правовой системы страны, к формам взаимодействия внутригосударственного и международного права, к вопросам регулирования форм демократического участия и их применения как для решения внутригосударственных задач, так и для международных отношений. Базируясь на телеологических основаниях, конституционное право выполняет в той или иной степени в различных государствах функцию стратегической юриспруденции. Среди важных задач стратегической юриспруденции есть и такие, которые обеспечивают поддержание правовыми средствами мира и безопасности и в границах национальной юрисдикции отдельных государств, и на наднациональном и международном уровне в общении между государствами и народами. По мнению исследователей, таких как И. А. Умнова-Конюхова, право мира и право безопасности следует рассматривать как интегрированные отрасли права нового поколения на рубеже XX и XXI столетий [31, с. 7, 9]. Представляется важным видеть в них не только интегрированные отрасли права нового поколения, но и нормативные образования стратегической юриспруденции.

Вместе с тем средствами конституционного права невозможно эффективно обеспечивать за пределами национальной юрисдикции мир и безопасность и формировать соответствующие им правовые образования; в таких вопросах необходима эшелонированная конвергенция норм международного публичного права и внутригосударственного права (с опорой на конституционные принципы и положения), которая может оказываться недостижимой в условиях международной напряженности и противостояния различных блоков, основанных на межгосударственных союзах и объединениях.

На внутригосударственный порядок значительное влияние оказывают различные международные и глобальные тренды; поддержание мира и безопасности средствами конституционного права вызывает потребность расширять социальное поле доверия между институтами публичной власти и гражданами. Такие феномены, как конституционная мобилизация и мобилизационный конституционализм на концептуальном уровне и в практике конституционного и государственного строительства формируют представления о границах и субъектах взаимодействия в процессе конституционных преобразований и конституционной реформы, концептуализируют конкретный опыт различных государств в сфере конституционных изменений.

Организация и проведение конституционной реформы в современных государствах исследуется на различных уровнях политико-правового и комплексного анализа: 1) на уровне выявления теоретических и правовых основ проведения конституционной реформы в Российской Федерации до начала реальных конституционных поправок в 2008 году [32]; 2) на уров-

не осмысления российской конституционной реформы 2020 года [33]; 3) на уровне изучения сравнительного опыта конституционных реформ в современном мире [34]; 4) на уровне создания субдисциплины в области сравнительных конституционных изменений, когда осмысляются и формальные способы изменения действующей конституции, и неформальные конституционные изменения, не связанные с текстуальными преобразованиями конституции [35].

Для осмысления процессов, технологий и форм участия *граждан* и в целом *института общественности* в конституционных изменениях, конституционной модернизации и в конституционном мониторинге предлагаются в современной юриспруденции такие концепты, как *конституционная мобилизация* и *мобилизационный конституционализм*.

Конституционные реформы, проводимые в государствах в первые два десятилетия XXI века, показывают, что, во-первых, идет постепенный и продолжающийся процесс расширения круга участников конституционных изменений, часто без фиксации изменений в нормативной структуре конституции; во-вторых, динамика вовлечения института общественности в конституционную модернизацию страны не является исключительно позитивной, хотя расширение представительности граждан и институтов гражданского общества, без сомнения, заслуживает поддержки, однако требует внимательного правового регулирования внутригосударственными актами, так как каких-либо нормативных требований современное международное публичное право в качестве неоспоримых стандартов не выработало. Риски конституционного популизма возникают всякий раз, когда органы публичной власти расширяют социальное поле политического и конституционного вовлечения. Помимо этого, опыт отдельных малых демократий (таких как Исландия и Ирландия) показывает неоднозначный результат участия института общественности в конституционных изменениях страны. С одной стороны, может быть значительный успех в вопросах предварительного обсуждения конституционных поправок на ассамблеях общественности и их позитивное принятие на конституционных референдумах (опыт Ирландии) [36, р. 251, 276]; с другой стороны, может быть новаторский подход к созданию проекта новой Конституции (как это было в Исландии) на основе использования процедуры краудсорсинга и совместного написания текста конституции с участием обычных граждан и органов публичной власти, наделенных учредительными полномочиями), и отрицательный конечный результат, когда новая конституция посредством применения новейших информационных и цифровых технологий оказывается так и не принятой [37, с. 99–101].

Конституции в современных обществах регулируют различные области правовой, политической, экономической, социальной и культурных систем, претендуя на установление основополагающих принципов подсистем общества и принципов для разнообразных отраслей права. Учредительная и юридическая функции конституции хорошо проявляют себя как в отношении органов государства, их компетенции, самой территории государства, так и в отношении институтов гражданского общества, основ правового статуса личности. Однако *насколько нормы и принципы конституции участвуют в регулировании процессов мобилизации*, когда такие процессы затрагивают вопросы конституционной модернизации, обсуждения и принятия поправок к Конституции, выявления степени желательности конституционных изменений и принятия новой конституции? Чаще всего учредители, органы государства и публичные должностные лица, уполномоченные решать вопросы в сфере конституционной модернизации, смотрят на конституцию *как на текст и корпус правил*, которые следует изменить; конституция в этом случае объявляется *объектом преобразований*.

Международный тренд на расширение участия граждан, их объединений, гражданских инициатив в конституционных изменениях возродил интерес в сравнительном конституционном праве к вопросам конституционных преобразований и конституционной модернизации; поставил *институт конституционных изменений* в научно-исследовательское поле *сравнительного конституционализма*, а по мнению международной группы ученых, появилась новая область *компаративистики – сравнительные конституционные изменения* [38, р. 1–2]. Дан-

ная область конституционной компаративистики постепенно становится привлекательной парадигмой исследований, которая расширяет типологию современных конституций с позиций форм и методов формальных и неформальных изменений действующей конституции и конституционного правопорядка. Существует неочевидная, но прогнозируемая взаимосвязь между динамичным международным трендом на развитие *института участия общественности в конституционных изменениях* и появлением *доктрины конституционной мобилизации* наряду с уже активно используемыми в общественных науках теориями мобилизации (политической, социальной) и ее ветвью – правовой мобилизацией.

В сравнительное конституционное право категория «конституционная мобилизация» была введена совсем недавно благодаря усилиям нескольких ученых [39; 40]. За редким исключением сравнительные конституциональные исследования в значительной степени «игнорировали конституционную мобилизацию как тему» по некоторым причинам, среди которых наиболее важное значение имели: 1) *методологические основания*, вызванные различием исследовательских интересов юристов, конституционалистов, с одной стороны, и социологов, политологов, с другой стороны; 2) *трудности нормативного измерения процесса мобилизации*, особенно когда речь заходит о конституционной мобилизации в связи со значительным объемом пробелов в современных конституциях относительно вопросов регулирования субъектов, процедур и форм вовлечения в конституционные изменения в рамках национальной юрисдикции; 3) *отсутствие стабильного и расширяющегося тренда мобилизации конституции, ее норм и субъектов конституционного права* в процедуру конституционной модернизации страны вследствие скорее волнообразной динамики, расширения и угасания института общественного участия, наличие всплесков проявления конституирующей власти в ходе подготовки и реализации конституционных реформ, которые не вырабатывали устойчивых общепринятых правил или стандартов участия общественности, а, как правило, измерялись конечными результатами успехов в принятии поправок к Конституции (как в Ирландии) или нивелировкой результатов вследствие непромульгирования новой конституции (как в Исландии).

Тем не менее *конституционная лексика* развивается вместе с проникновением в юридическую сферу новых понятий и категорий из смежных наук или в силу исследовательских интересов или вследствие объективной потребности осмыслить и дифференцировать новые общественные отношения, которые были явными или латентными, однако не подвергались концептуализации с позиций конституционного права, доктрины конституционализма. Несмотря на то что в науке конституционного права давно используются такие категории, как «конституционная реформа», «пересмотр конституции», «конституционные поправки», с конца XX века стали вовлекаться в научный анализ сравнительно новые категории «конституционная модернизация», «модернизация конституции», «преобразование конституции». XXI век и новое тысячелетие открывают двери в новую область исследований в условиях динамических возможностей демократических институтов, народного конституционализма, современных политических форм популизма, которая может быть названа именем, сочетающим различные знания и такие области, как политическая социология, право и конституционализм. Имя этой научной категории «конституционная мобилизация». Современное конституционное право обогащается достижениями из области политологии, наук о жизни, информационных и цифровых систем, медицины и исследований когнитивных процессов. Новая область конституционных исследований может формироваться под влиянием различных факторов. Среди них следует отметить три ключевых: 1) фактор запроса на современные формы *конституционного популизма*; 2) фактор *волнообразного расширения исследовательского интереса к участию общественности* в различных процедурах конституционной модернизации, обсуждения желательности принятия поправок к Конституции или проекта новой Конституции [41, р. 1–6]; 3) фактор *информатизации публично-правовых отношений*, связанных с использованием различных прав в информационно-телекоммуникационной системе на национальном уровне, в субфедеральном или муниципальном уровнях; 4) фактор *цифровизации конституционных*

и в целом публично-правовых отношений, возникновение цифрового конституционализма (E. Celeste, G. De Gregorio, И. А. Кравец) цифровых конституционных прав (С. М. Шахрай) и использование цифровых технологий для реализации гражданских, политических, социальных, культурных прав, в том числе посредством обращения к порталу государственных услуг, где многие услуги стали предоставляться, а права реализовываться в цифровом формате (мобильный избиратель, электронное голосование, подача заявлений в online-режиме и др.).

Конституционная мобилизация не исследуется в литературе по вопросам государственно-го управления и политического анализа, однако привлекает внимание в процессе исследования глобализирующегося и основанного на сетевых принципах политического мира. Следует признать, что возвышается роль государства и публично-правовых акторов в использовании средств и методов конституционной мобилизации; увеличивается влияние на публично-правовых акторов институтов гражданского общества, представителей гражданской активности; следовательно, появляется необходимость изучения и правового регулирования форм взаимодействия государства и институтов гражданского общества, граждан и их объединений как в общем процессе конституционной модернизации страны, так и в специфических условиях осуществления конституционной мобилизации для целей разработки, обсуждения и принятия поправок к Конституции или разработки нового проекта Конституции. Концепции коммуникативного конституционализма и конституционной мобилизации предлагают преодолеть отмеченный дисбаланс посредством использования двух взаимосвязанных подходов: 1) путем пересмотра традиционных концепций конституционно-правового и политического анализа и применением их к формированию конституционной политики и политики конституционной модернизации, а также 2) посредством расширения новых рамок комплексного подхода, определяемого как системный институционализм, конституционный институционализм и конституционный дизайн. Данный подход связывает конституционную политику с публичным управлением и государством и предлагает способы решения реальных проблем в том числе через активизацию вовлечения различным групп граждан и институтов профессиональных сообществ и гражданского общества².

Важно сформулировать новые объект и предмет исследования, которые охватывают такие явления, как конституционная мобилизация и коммуникативный конституционализм. *Объект исследования* – общественные отношения, возникающие в сфере коммуникативного конституционализма и конституционной мобилизации, практики осуществления коммуникативных действий в информационном, правовом и политическом пространстве России в контексте сравнения с мировыми моделями конституционной модернизации и делиберативного участия и взаимодействия с европейским правовым и евразийским экономическим пространством. *Предмет исследования* – нормативные системы регулирования, институциональные механизмы, коммуникационные основы (информационные, технологические, электорально-процедурные) формирования и развития российской модели коммуникационного конституционализма и конституционной мобилизации в публично-правовом и информационном пространстве. Новизна предмета в его неповторимой комбинации исследовательской проблематики и элементов, в междисциплинарном характере, фундаментальности используемых научных доктрин и научно-прикладном значении предполагаемых результатов исследования.

Современная доктрина конституционного права обогащается не только новыми идеями и концепциями, но и содействует качественным изменениям институционального дизайна и предназначения различных конституционно-правовых институтов. Как отмечает С. А. Авакьян, конституционное право становится ориентированным на развитие более тес-

² Карточка проекта, поддержанного Российским научным фондом, № 23-28-00627. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00627/> (проект «Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация: проблема делиберативного участия в публичном и информационном пространстве и трансформация системы публичной власти (концепты, нормы и институциональные механизмы)»).

ных связей с обществом [42, с. 6]; предлагается авторская концепция проекта нового Основного закона страны [43].

В концепции коммуникативного конституционализма должна занять достойное место теория конституционного правопользования [44] и доктрина конституционного правопонимания [45, с. 6], которые обеспечивают использование прав и свобод в публично-правовом пространстве ради достижения цели *активного вовлечения* в процесс конституционной коммуникации, *создания пространства обсуждения* по значимым конституционно-правовым вопросам и выработки решений, приемлемых как с позиций учета информационных и государственно-правовых интересов участников, так и с точки зрения учета рисков информационного и алгоритмического общества, инновационного и прогрессивного использования технологических достижений ради роста благосостояния граждан, их приверженности конституционному патриотизму, толерантности и культурному разнообразию.

Предметное поле коммуникативного конституционализма и конституционной мобилизации имеет перекрещивающиеся сферы и динамические формы осуществления.

Среди *важнейших сфер общественных отношений*, которые охватываются предметным полем *коммуникативного конституционализма*, можно отметить следующие: во-первых, область обсуждения желательности разработки и принятия поправок к Конституции РФ с участием экспертного и научного сообщества, привлечением граждан, институтов гражданского общества в процесс коммуникации по вопросам конституционных изменений; во-вторых, область реализации права на обращение в уполномоченные органы публичной власти (на федеральном уровне прежде всего, но допустимо регулирование подобных обращений и в органы публичной власти субъектов РФ) с предложениями о принятия поправок к Конституции РФ, изменения федеральных конституционных законов или федеральных законов, которыми затрагиваются права и свободы, а также обязанности человека и гражданина в РФ; в-третьих, область разработки и обсуждения общественных инициатив, выступление с общественными инициативами на различных территориальных уровнях (включая муниципальные образования); в-четвертых, область публично-правовой коммуникации при организации и проведении выборов, других голосований на федеральном, региональном и муниципальном уровнях; в-пятых, область всенародного обсуждения поправок к Конституции или изменений положений статьи 65 Конституции (в том числе по составу субъектов РФ, изменения территории Российского государства); в-шестых, конституционно-правовая коммуникация в сфере референдумного права, например, при организации и проведении референдума РФ по вопросам конституционного и международного характера (в частности, в России не решен вопрос об участии граждан и инициативах по проведению референдума при создании межгосударственных объединений, вхождении в межгосударственные объединения, при выходе из таких объединений); в-седьмых, область общероссийского (народного) конституционного мониторинга (общероссийского конституционного мониторинга в отношении действующей Конституции РФ или принятых поправок); в-восьмых, область использования форм делиберативной демократии (делиберативного участия) на трех уровнях организации публичной власти, включая разработку инициативных проектов, правотворческих инициатив граждан, развитие форм участия в общественных палатах и в общественных советах.

Представляется важным отметить, что разрозненные источники правового регулирования *института участия общественности* в публично-правовом пространстве и их работа на различных уровнях организации публичной власти показывает дисперсность и несогласованность в правовом поле; институт участия общественности в конституционно-правовых (или шире – публично-правовых) коммуникациях требует совершенствования своей правовой, организационной и информационно-коммуникационной основы.

Список источников

1. **Хабермас Ю.** Теория коммуникативной деятельности / Пер. с нем. (Habermas, Jürgen. Theorie des kommunikativen Handelns). М.: Весь Мир, 2022. 880 с.
2. **ван Хук М.** Право как коммуникация / Пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. СПб.: Издательский дом С.-Петербург. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. 288 с.
3. **Поляков А. В.** Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: Дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2002. 94 с.
4. **Berman H. J.** Law and Revolution. The Formation of the Western Legal Tradition. Cambridge, MA assachusetts; London: Harvard University Press, England, 1983. 657 pp.
5. **Алешкова И. А., Андреева П. Н., Белослудцев О. С.** [и др.]. Конституция и права человека: современная доктрина и практика. М.: Институт государства и права РАН, 2021. 400 с.
6. **Belov, Martin (ed).** Global constitutionalism and its challenges to Westphalian constitutional law. Ed. by Martin Belov. Portland, Oregon: Hart Publishing, 2018. 232 pp.
7. **Belov, M.** The Challenges to Westphalian Constitutional Geometry in the Age of Supranational Constitutionalism, Global Governance and Information Revolution // Belov, Martin (ed). Global constitutionalism and its challenges to Westphalian constitutional law. Ed. by Martin Belov. Portland, Oregon: Hart Publishing, 2018. P.13-54.
8. **Безруков А. В., Дубровин О. В., Дудко И. Г.** [и др.]. Современная модель государственной власти в Российской Федерации. Вопросы совершенствования и перспективы развития / М.: ООО «Проспект», 2019. 192 с.
9. **Кравец И. А.** Господство права как универсальная ценность и многообразие конституционной идентичности // Вестник С.-Петербург. ун-та. Право. 2020. Т. 11, № 4. С. 813–851. DOI 10.21638/spbu14.2020.402
10. **Медушевский А. Н.** Конституционная реформа – 2020 с позиций теории легитимности // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2020. № 4. С. 15–30.
11. **Клеандров М. И.** О проблемных нововведениях 2020 года в Конституцию РФ в сфере механизма правосудия // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 7–11.
12. **Брежнев О. В.** Конституционная реформа 2020 г. и развитие конституционного правосудия в России // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 3–6.
13. **Безруков А. В.** Конституционная реформа: основные направления и пути совершенствования конфигурации публичной власти в России // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 6. С. 3–9.
14. **Боброва Н. А.** Конституционная реформа – 2020 как решение проблемы «транзита власти» – 2024 // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 2. С. 3–9.
15. **Добрынин Н. М.** Конституционализм и парадигма общественных отношений в России: исторический опыт, конформизм или неизбежность перемен // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 3–11.
16. **Бабурин С. Н.** О духовности целей и социальности задач российской конституционной реформы // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 4. С. 3–8.
17. **Дробот С. Е.** Конституционно-правовые основы преемственности поста выборного главы государства (российский и сравнительно-правовой аспекты) // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4. С. 27–30.
18. **Кондрашев А. А.** Тенденции конституционного развития России в контексте конституционной реформы 2020 года // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 15–25.
19. **Кравец И. А.** Судебный конституционализм и конституционализация предпринимательской деятельности и статуса юридического лица (в контексте конституционной реформы 2020) // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 1. С. 10–15.

20. **Клеандров М. И.** О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть // Государство и право. 2022. № 1. С. 7–18.
21. **Клеандров М. И.** О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть (Окончание) // Государство и право. 2022. № 3. С. 7–18.
22. **Аничкин Е. С.** Конституционно-правовые основы противодействия антироссийским санкциям // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 4. С. 2–7.
23. **Кравец И. А.** Конституционные революции в исторической и современной юриспруденции: правовые и методологические аспекты // История государства и права. 2023. № 5. С. 6–14. DOI 10.18572/1812-3805-2023-5-6-14
24. **Дробот С. Е.** Коммуникативные возможности политического участия в механизме конституционной модернизации: ретроспективные аспекты и перспективы совершенствования // История государства и права. 2023. № 5. С. 21–26.
25. **Раздьяконова Е. В.** Делиберативное участие в конституционном развитии России: теоретические аспекты и историческая ретроспектива // История государства и права. 2023. № 5. С. 15–20.
26. **Антонов М. В., Поляков А. В., Честнов И. Л.** Коммуникативный подход и российская теория права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 6(311). С. 78–95.
27. **Ponet D., Leib E. J.** Deliberative Law // Andre Bächtiger and others (eds), *The Oxford Handbook of Deliberative Democracy*, Oxford Handbooks (2018; online edn, Oxford Academic, 9 Oct. 2018), pp. 612–624, <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198747369.013.48>
28. **Levy R., Orr G.** *The Law of Deliberative Democracy*. New York, NY: Routledge, 2016. 231 pp.
29. **Marshall P.** *The Law of Deliberative Democracy* // *International Journal of Constitutional Law*. 2017. Vol. 15, iss. 3, pp. 872–875, <https://doi.org/10.1093/icon/mox066>
30. **Levy R., Kong H., Orr G., & King J. (Eds.)**. *The Cambridge Handbook of Deliberative Constitutionalism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. doi:10.1017/9781108289474
31. **Умнова-Конюхова И. А.** Право мира и право безопасности на рубеже XX и XXI столетий: проблемы институционализации и развития. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. 2023. № 1. С. 7–28. DOI: 10.31249/iajpravo/2023.01.01
32. **Киреев В. В.** Конституционная реформа в Российской Федерации. М.: Изд-во МГУ, 2006. 268 с.
33. **Комарова В. В.** Конституционная реформа 2020 г. в России (некоторые аспекты) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 8. С. 22–31.
34. **Хабриева Т. Я.** Конституционная реформа в современном мире: Монография М.: Наука РАН, 2016. 320 с.
35. **Contiades X. (ed)**. *Engineering Constitutional Change: A Comparative Perspective on Europe, Canada and the USA*. New York: Routledge, 2013. 488 pp.
36. **Suteu S.** Constitutional Conventions in the Digital Era: Lessons from Iceland and Ireland. *Boston College International & Comparative Law Review*. 2015, vol. 38, no. 2, pp. 251–276.
37. **Кравец И. А.** Цифровое гражданство и конституционные вызовы в информационном и алгоритмическом обществе // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 2(153). С. 93–123. DOI 10.21128/1812-7126-2023-2-93-123
38. *Routledge Handbook of Comparative Constitutional Change* / ed. by X. Contiades, A. Fotiadou. London: Routledge, 2020.
39. **Son B. N.** Constitutional Mobilization // *Washington University Global Studies Law Review*. 2018. Vol. 17, no. 1, pp. 113-179. https://openscholarship.wustl.edu/law_globalstudies/vol17/iss1/7
40. **Blokker P.** Constitutional Mobilization and Contestation in the Transnational Sphere // *Journal of law and society*. 2018. Vol. 45, Issue S1, pp. S52-S72.

41. **Contiades X., Fotiadou A.** Introduction: Participatory Constitutional Change // Participatory Constitutional Change: The People as Amenders of the Constitution / ed. by X. Contiades, A. Fotiadou. Abingdon ; New York : Routledge, 2017. P. 1–6.
42. **Авакьян С. А.** Основные тенденции современного развития конституционного права // Конституционное право: итоги развития, проблемы и перспективы: Сб. матер. междунар. науч. конференции / отв. ред. С. А. Авакьян. М.: РГ-Пресс, 2017. С. 6–14.
43. **Авакьян С. А.** О роли конституционного права в условиях новых задач и концептуальных решений для политического будущего России // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2023. № 1. С. 3–21.
44. **Крусс В. И.** Теория конституционного правоупотребления: Моногр. М.: НОРМА, 2007. 751 с.
45. **Крусс В. И.** Конституционное правоупотребление и вызовы инструментально-юридической эпистемологии // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7, № 3. С. 46–57. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-7

References

1. **Habermas Yu.** Theory of communicative activity. Transl. (Habermas, Jürgen. Theorie des kommunikativen Handelns). М.: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2022. 880 p. (in Russ.)
2. **van Huk M.** Law as communication. Transl. M. V. Antonov, A. V. Polyakov. SPb.: Izdatel'skij dom S.-Peterb. gos. un-ta, ООО «Universitetskij izdatel'skij konsortsium», 2012. 288 p. (in Russ.)
3. **Polyakov A. V.** Communicative concept of law (genesis and theoretical and legal justification: diss... PhD. Sankt-Peterburg, 2002. 94 p. (in Russ.)
4. **Berman H. J.** Law and Revolution. The Formation of the Western Legal Tradition. Cambridge, MA assachusetts; London: Harvard University Press, England, 1983. 657 p.
5. **Aleshkova I. A., Andreeva P. N., Belosludtsev O. S. et al.** Constitution and Human Rights: Contemporary Doctrine and Practice. М.: Institut gosudarstva i prava RAN, 2021. 400 p.
6. Global constitutionalism and its challenges to Westphalian constitutional law / Ed. by Martin Belov. Portland, Oregon: Hart Publishing, 2018. 232 p.
7. **Belov M.** The Challenges to Westphalian Constitutional Geometry in the Age of Supranational Constitutionalism, Global Governance and Information Revolution // Global constitutionalism and its challenges to Westphalian constitutional law. Portland, Oregon: Hart Publishing, 2018. P. 13-54.
8. **Bezrukov A. V., Dubrovin O. V., Dudko I. G. et al.** Modern model of state power in the Russian Federation. Issues of improvement and development prospects. Moskva: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Prospekt", 2019. 192 p. (in Russ.)
9. **Kravets I. A.** The Rule of Law as a Universal Value and Diversity of Constitutional Identity // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2020. Vol. 11, no. 4. Pp. 813–851. (in Russ.) DOI 10.21638/spbu14.2020.402
10. **Medushevskij A. N.** Constitutional reform - 2020 from the standpoint of the theory of legitimacy // Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya. 2020. No. 4. Pp. 15–30. (in Russ.)
11. **Kleandrov M. I.** On the problematic innovations of 2020 in the Constitution of the Russian Federation in the field of the mechanism of justice // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2021. No. 1. Pp. 7–11. (in Russ.)
12. **Brezhnev O. V.** Constitutional reform in 2020 and the development of constitutional justice in Russia // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2020. No. 7. Pp. 3–6. (in Russ.)
13. **Bezrukov A. V.** Constitutional Reform: Main Directions and Ways to Improve the Configuration of Public Power in Russia // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2020. No. 6. Pp. 3–9. (in Russ.)
14. **Bobrova N. A.** Constitutional reform - 2020 as a solution to the problem of “transit of power” – 2024 // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2021. No. 2. Pp. 3–9. (in Russ.)

15. **Dobrynin N. M.** Constitutionalism and the paradigm of social relations in Russia: historical experience, conformism or the inevitability of change // *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2020. No. 1. Pp. 3–11. (in Russ.)
16. **Baburin S. N.** On the spirituality of the goals and the social nature of the tasks of the Russian constitutional reform // *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2020. No. 4. Pp. 3–8. (in Russ.)
17. **Drobot S. E.** Constitutional and Legal Basis for the Succession of the Post of an Elected Head of State (Russian and Comparative Legal Aspects) // *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2021. No. 4. Pp. 27–30. (in Russ.)
18. **Kondrashev A. A.** Trends in the constitutional development of Russia in the context of the 2020 constitutional reform // *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2021. No. 11. Pp. 15–25. (in Russ.)
19. **Kravets I. A.** Judicial constitutionalism and the constitutionalization of entrepreneurial activity and the status of a legal entity (in the context of the constitutional reform 2020) // *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2022. No. 1. Pp. 10–15. (in Russ.)
20. **Kleandrov M. I.** On the inevitability of the development and adoption of the new Constitution of the Russian Federation and what should be in it // *Gosudarstvo i pravo*. 2022. No. 1. Pp. 7–18. (in Russ.)
21. **Kleandrov M. I.** On the inevitability of the development and adoption of the new Constitution of the Russian Federation and what should be in it (End) // *Gosudarstvo i pravo*. 2022. No. 3. Pp. 7–18. (in Russ.)
22. **Anichkin E. S.** Constitutional and legal foundations for counteracting anti-Russian sanction // *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2023. No. 4. Pp. 2–7. (in Russ.)
23. **Kravets I. A.** Constitutional revolutions in historical and modern jurisprudence: legal and methodological aspects // *Istoriya gosudarstva i prava*. 2023. No. 5. Pp. 6–14. (in Russ.) DOI 10.18572/1812-3805-2023-5-6-14
24. **Drobot S. E.** Communicative Opportunities for Political Participation in the Mechanism of Constitutional Modernization: Retrospective Aspects and Prospects for Improvement // *Istoriya gosudarstva i prava*. 2023. No. 5. Pp. 21–26. (in Russ.)
25. **Razdieyakonova E. V.** Deliberative Participation in the Constitutional Development of Russia: Theoretical Aspects and Historical Retrospective // *Istoriya gosudarstva i prava*. 2023. No. 5. Pp. 15–20. (in Russ.)
26. **Antonov M. V., Polyakov A. V., Chestnov I. L.** Communicative Approach and Russian Theory of Law // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Pravovedenie*. 2013. No. 6(311). Pp. 78–95. (in Russ.)
27. **Ponet D., Leib E.J.** Deliberative Law. In Andre Bächtiger and others (eds) // *The Oxford Handbook of Deliberative Democracy*. Oxford Handbooks, 2018. Pp. 612–624. DOI 10.1093/oxfordhb/9780198747369.013.48
28. **Levy R., Orr G.** *The Law of Deliberative Democracy*. New York, NY: Routledge, 2016. 231 p.
29. **Marshall P.** *The Law of Deliberative Democracy* // *International Journal of Constitutional Law*. 2017. Vol. 15, iss. 3. Pp. 872–875. DOI 10.1093/icon/mox066
30. *The Cambridge Handbook of Deliberative Constitutionalism* / Eds. R. Levy, H. Kong, G. Orr, J. King. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. DOI 10.1017/9781108289474
31. **Umnova-Konyukhova I. A.** The Law of Peace and the Law of Security at the Turn of the 20th and 21st Centuries: Problems of Institutionalization and Development. (Article) // *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki: Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura: IAZH. Ser. 4: Gosudarstvo i pravo*. 2023. No. 1. Pp. 7–28. (in Russ.) DOI 10.31249/iajpravo/2023.01.01
32. **Kireev V. V.** *Constitutional reform in the Russian Federation*. M.: Izd-vo MGU, 2006. 268 p. (in Russ.)
33. **Komarova V. V.** Constitutional reform of 2020 in Russia (some aspects) // *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. 2020. T. 15, no. 8. Pp. 22–31. (in Russ.)

34. **Khabrieva T. Ya.** Constitutional reform in the modern world. M.: Nauka RAN, 2016. 320 p. (in Russ.)
35. Engineering Constitutional Change: A Comparative Perspective on Europe, Canada and the USA / Ed. X. Contiades. New York: Routledge, 2013. 488 p.
36. **Suteu S.** Constitutional Conventions in the Digital Era: Lessons from Iceland and Ireland // Boston College International & Comparative Law Review. 2015. Vol. 38, no. 2. Pp. 251–276.
37. **Kravets I. A.** Digital citizenship and constitutional challenges in the information and algorithmic society // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. 2023. No. 2(153). Pp. 93–123. (in Russ.) DOI 10.21128/1812-7126-2023-2-93-123
38. Routledge Handbook of Comparative Constitutional Change / Ed. X. Contiades, A. Fotiadou. London: Routledge, 2020.
39. **Son B. N.** Constitutional Mobilization [Online] // Washington University Global Studies Law Review. 2018. Vol. 17, no. 1. Pp. 113–179. URL: https://openscholarship.wustl.edu/law_globalstudies/vol17/iss1/7.
40. **Blokker P.** Constitutional Mobilization and Contestation in the Transnational Sphere // Journal of law and society. 2018. Vol. 45, iss. S1. Pp. S52–S72.
41. **Contiades X., Fotiadou A.** Introduction: Participatory Constitutional Change // Participatory Constitutional Change: The People as Amenders of the Constitution. Abingdon; New York: Routledge, 2017. P. 1–6.
42. **Avak'yan S. A.** The main trends in the modern development of constitutional law // Konstitutsionnoe pravo: itogi razvitiya, problemy i perspektivy: sbornik materialov mezhdunar. nauch. konferentsii. M.: RG-Press, 2017. Pp. 6–14. (in Russ.)
43. **Avak'yan S. A.** On the Role of Constitutional Law in the Conditions of New Tasks and Conceptual Decisions for the Political Future of Russia // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. 2023. No. 1. Pp. 3–21. (in Russ.)
44. **Kruss V. I.** Theory of constitutional law use. M.: NORMA, 2007. 751 p. (in Russ.)
45. **Kruss V. I.** Constitutional legal understanding and challenges of instrumental legal epistemology // Vestnik Yuridicheskogo Fakul'teta Yuzhnogo Federal'nogo Universiteta. 2020. Vol. 7, no. 3. Pp. 46–57. (in Russ.) DOI 10.23683/2313-6138-2020-7-3-7

Информация об авторе

Кравец Игорь Александрович, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права, и. о. заведующего кафедрой конституционного и муниципально-го права Института философии и права НГУ
Web of Science ResearcherID N-9219-2015
Scopus Author ID 57224000209
SPIN 7272-5729

Information about the Author

Igor' A. Kravets, Head of the Chair of Theory and History of State and Law and Constitutional Law of Novosibirsk State University, Acting Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of Novosibirsk State University, LL.D., Professor.
Web of Science ResearcherID N-9219-2015
Scopus Author ID 57224000209
SPIN 7272-5729

*Статья поступила в редакцию 02.02.2023;
одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 24.03.2023*

*The article was submitted 02.02.2023;
approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 24.03.2023*